

Л. И. Богданова
Москва, Россия

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ В ГРАММАТИЧЕСКОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

В статье рассматривается, каким образом культурный компонент значения глагола влияет на конфигурацию его актантной структуры. В ходе исследования было установлено, что такие параметры культуры, как Дистанция Власти, коллективизм/индивидуализм, высокая/низкая контекстуальность, косвенным образом влияют на оформление актантной рамки глаголов, обозначающих межличностные отношения. Установление правил зависимости между «культурной семантикой» и синтагматическим поведением глагола важно для грамматики активного типа.

Ключевые слова: культура, грамматика, параметры культуры, культурный компонент значения, актантная структура, семантика и синтагматика русского глагола.

Liudmila I. Bogdanova
Moscow, Russia

SOCIO-CULTURAL PARAMETERS IN THE REFLECTION OF GRAMMAR

The article deals with the way in which the cultural component of the meaning of the Russian verb is reflected in its actant structure. The designation of the actant positions of the verb depends on the nature of the evaluation presented in its meaning. Culture parameters (Power Distance, collectivism/individualism, high low contextuality) influence the formation of actant frame of verbs denoting interpersonal relations. The identification of regularities of the relationship between “cultural semantics” and syntagmatics is of practical importance for teaching Russian.

Key words: culture, grammar, parameters of culture, the cultural component of meaning, actant structure, semantics and syntagmatics of Russian verb.

Традиционно считается, что отражение культуры в языке наиболее яркое воплощение получает на уровне лексики. И это действительно так. Тем не менее грамматика также обладает отражательными способностями, которые, в частности, проявляются в способах концептуализации объектов, где получает косвенное отражение коллективная «философия» носителей языка. Частично эксплицировать эту систему взглядов на мир помогает обращение к изучению таких взаимосвязанных явлений, как семантика глагола и его сочетаемость. Настоящая статья посвящена выявлению роли «культурного» компонента значения глагола в реализации его синтагматических свойств в рамках актантной структуры. Целью работы было выяснение того, каким образом параметры «измерения» культуры влияют на способ обозначения глагольных актантов. В ходе изучения соотношения глагольной семантики и синтагматики в направлении от значения – к форме было обнаружено, что ряд социокультурных параметров, выявленных

в классификациях культур Г. Хофстеде и Э. Холла [1; 2], среди которых PD (Дистанция Власти), коллективизм/индивидуализм, высокая/низкая контекстуальность, приобретает особую ценность при создании грамматики активного типа. И это не случайно: различие культур, как правило, не может быть абсолютно нерелевантным при характеристике устройства языков этих культур.

Рассмотрим в первую очередь влияние социокультурного параметра Дистанция Власти на грамматическую структуру предложения, стержнем которого является актантная рамка глагола, понимаемая в духе идей Л. Теньера [3]. Этот параметр обнаруживает себя в различных типах асимметричных социальных взаимоотношений: дети – родители, младшие – старшие, ученики – учителя, подчиненные – руководители. Хотя практически во всех культурах эти отношения являются асимметричными, но степень «неравенства» при этом оказывается разной. Согласно теории Г. Хофстеде [1], культуры с преимущественно иерархическим устройством, как правило, имеют высокую вертикальную дистанцию, при которой отношения строятся на основе подчинения. Значимым оказывается статус по возрасту и социальному положению. В иерархическом обществе с высокой «вертикальной дистанцией» в этикете и коммуникативном поведении принято выражать уважение к вышестоящим лицам особенно подчеркнуто. В культурах такого типа не допускается либо ограничивается выражение резкого несогласия или острого критического отношения в адрес лиц, занимающих более высокое положение в социальной структуре общества. В обществе негласно признается, что иерархический порядок, в котором для каждого определено свое место, – это своего рода общественная ценность, характеристика стабильности жизни и мироустройства. В культурах с низкой дистанцией власти (PD), к каким относят, например, культуры США, Великобритании, напротив, особую ценность представляет собой индивидуальная свобода, поэтому в коммуникации подчеркивается равенство людей, а стиль общения между подчиненным и руководителем имеет менее формальный характер. Разумеется, данные параметры культур характеризуют только идеальные модели, которые являются крайними точками континуума культур, в котором каждая конкретная культура занимает определенное место по отношению к тому или другому полюсу. Русская культура в этом плане может быть охарактеризована как коллективистская, с высоким уровнем контекстуальности, т.е. зависимости смысла от общего контекста, «статусная», с высокой вертикальной дистанцией (по сравнению с западными культурами).

Отношение к человеку в соответствии с иерархией по статусу можно считать признаком, получившим отражение в русском языке в системе этикетных норм и правил, в речевом поведении человека, в построении дискурса. Частично эксплицировать способы отражения этого культурного параметра в русском языке помогает обращение к актантной структуре глагола.

Анализ способов обозначения актантов показал, что высокий уровень вертикальной дистанции косвенным образом преломляется в концептуализации объектов актантной рамки глаголов, включающих в свое значение оценочный компонент. Глаголы социально ориентированной семантики нередко содержат векторы межличностных отношений «сверху – вниз» и «снизу – вверх», и эти признаки оказываются значимыми для прогнозирования формы актантных позиций.

Так, в частности, если в значении глагола содержится указание на неравное отношение, направленное сверху вниз, от сильного к слабому, то позиция «лица зависимого» выражается с помощью предлога *над*, который в метафорическом плане красноречиво указывает на то, что в данной актантной рамке субъект ставит себя значительно выше в какой-либо сфере, чем объект, что доказывает употребление глаголов 1) насмешки (*насмехаться, смеяться, подсмеиваться, иронизировать над кем-чем*); 2) издевательства (*издеваться, измываться, глумиться, надругаться над кем-чем*); 3) снисхождения (*сжалиться, смилостивиться над кем-чем*). Данное положение подтверждают примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [4].

1. В ситуации насмешки актантную позицию объекта могут заполнять слова, обозначающие различные социальные роли, в том числе объектом иронии нередко становится и сам субъект: *Обезоруживая других, он смеялся над собой, но не слишком любил, когда это делали другие* (А. Генис. Довлатов и окрестности); *Обыкновенно Вернер исподтишка насмеялся над своими больными...* (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени); *Она вспомнила, как он уверял ее, что звонит по дешевому тарифу, и разозлилась: он по-прежнему подсмеивался над ней и, в общем, был прав* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); *... с женой отношения у него всегда были странные, непонятные для меня, и он вроде жалел Наталью и в то же время всегда насмеялся, зло иронизировал над ней, обзывал коровой...* (А. Ким. Белка).

2. При обозначении ситуаций издевательства соответствующие глаголы, как правило, получают отрицательную оценку социума. В соответствии с одной из «заповедей» русской наивно-языковой этики Ю. Д. Апресяна [5, с. 351], «нехорошо унижать достоинство других людей» (*глумиться, измываться, издеваться*), что подтверждают примеры из НКРЯ [4]: *... Пояснил, что именно в ночь его дежурства Абдусаламов издевался над одним из курсантов* (В. Мельченко. «Этнодедовщина» или обычный криминал? // Солдат удачи, 2004); *Царь глумился над подданными на каждом шагу...* (О. Чайковская. Великий царь или Антихрист? // Звезда, 2001); *Яков Абрамов терроризировал свою семью, морил ее голодом, держал в ужасающих условиях, издевался, измывался над человеческим достоинством...* (И. Д. Брауде. Речь в защиту В. Я. Абрамова, 1949). Однако в редких случаях глагол *издеваться*, в отличие от глаголов *измываться, глумиться, надругаться*, может использоваться в положительных контекстах: *Мы сидели за столом в подвале, Юля разливала чай, в изобилии имелись*

баранки, мармелад и прочее, а Юрий Петрович [Любимов] гневно издевался над начальниками, которые считают искусством глупые копии, и цитировал Гёте... (В. Смехов. Театр моей памяти).

3. При обозначении снисходительной жалости оценка такого поведения чаще бывает положительной, чем отрицательной: *Словно бы Бог сжалился над своими ничемными созданиями, взял их за руку и отвел туда, где они могут получить свою микроскопическую дозу счастья, пусть и незаслуженного* (В. Суриков. Путь сквозь пустоту // Эксперт, 2015); *Царь в конце концов смилоствился над своим младшим братом и после двух лет «изгнания» великому князю было предложено принять в начале 1912 года Кавалергардский полк* (В. С. Трубецкой. Записки кирасира, 1936–1937); – *Помилуй, государь! – воскликнул старший из вятчан, – будь нашим спасителем – смилуйся над нами!* (Н. А. Полевой. Повесть о Симеоне, суздальском князе, 1828).

Другая картина синтагматического поведения глаголов наблюдается в том случае, если в их значении представлен вектор «снизу – вверх», т.е. от слабого, зависимого – к сильному, главенствующему. В этой ситуации актантная позиция, обозначающая человека с более высоким статусом (духовным, моральным или финансово-материальным), выражается с помощью предлога *перед*, что можно наблюдать на примере глаголов 1) преклонения (*благоговеть, неметь, преклоняться перед кем-н.*); 2) самоуничижения (*унижаться, лебезить, заискивать, угождать, бегать на задних лапках, вилять хвостом перед кем-н.*); 3) моральной неудачи (*осрамиться, оскандалиться, ославиться, оконфузиться, оплошать, сплеховаться, опростоволоситься* (разг.), *скомпрометировать себя перед кем-н.*).

1. Глаголы со значением **преклонения** предполагают высокую степень уважения субъекта эмоции к лицу, являющемуся источником обозначенного отношения, а источник эмоции воспринимается субъектом как стоящий выше его в общечеловеческом, нравственном или интеллектуальном отношении: *... с тех пор он еще более считал себя недостойным ее, еще ниже нравственно склонялся перед нею* (Л. Толстой); *... преклоняясь перед блеском его черновиков ...* (В. Набоков – о Пушкине).

2. При глаголах со значением **самоуничижения** источником эмоции и самоуничижительного поведения является лицо, занимающее более высокое материальное или социальное положение в обществе по сравнению с субъектом, что демонстрируют примеры из НКРЯ [4]: *Владычество денег сказалось во всем: Булгарин начал лебезить перед гостинодворскими лавочниками, как некогда лебезил перед сановниками* (К. И. Чуковский. Тема денег в творчестве Некрасова); *Этому заядлому чиновнику мало было того, что корабль находился в порядке, ему хотелось, чтобы командир лебезил и угождал перед его высокой особой* (А. С. Новиков-Прибой. Цусима, 1932–1935). Субъект в такой ситуации является лицом морально униженным. В соответствии с законом наивной этики Ю. Д. Апресяна [5, с. 351], обществом

осуждаются лица, забывающие о собственном человеческом достоинстве, поэтому все глаголы и фразеологизмы данной подгруппы содержат в своем значении отрицательную оценку, в отличие от глаголов преклонения.

Итак, проникновение в синтагматику культурных параметров проявляется, с одной стороны, в том, что позиция лица, занимающего более высокое положение (позиция «силы»), обозначается формой *перед кем*, а с другой стороны, в том, что потеря личного достоинства, потеря своего лица в отношениях такого рода маркируется отрицательной оценкой социума (*вилять хвостом, бегать на задних лапках* перед кем-нибудь – это однозначно плохо). Преследовать узкокорыстные интересы, унижаясь перед высокопоставленными людьми, считается в русской культуре одним из самых больших недостатков: *Товарищи над ним подсмеивались, иногда даже издевались, дразнили «паинькой», но все, однако, чувствовали, что он не был плохим товарищем: он не лебезил перед начальством, не заискивал, не был доносчиком ...* (Н. Н. Златовратский. Детские и юные годы. Воспоминания); *Что же заставляет всех этих людей так униженно вилять хвостом перед человеком, который даже и не взглянет на них никогда внимательно? Или здесь есть какой-то не доступный пониманию психологический закон подобострастия?* (А. И. Куприн. Молох).

Уничижительное поведение получает в русском языке и дополнительные средства вербального выражения, связанные с использованием диминутивов: *Ванька лебезил перед гостями. Он пенял дорогим родственникам, что они так долго на него сердились, пожимал им ручки, пил за их здоровьице и выражал надежду, что вперед у него с ними будет мир* (Л. И. Добычин. Шуркина родня); *Он всячески лебезил перед губернатором, снимал с него каждую пушинку, на ухабах поддерживал под локоток, покрикивал кучеру: «Легче!»* (В. Я. Шишков. Угрюм-река).

Несмотря на имеющиеся различия, глаголы самоунижения и преклонения объединяет общий элемент сознательного отношения к лицу-каузатору, проявляющийся в допустимости осознанного, часто намеренного самоуничижительного поведения, в чем убеждают, в частности, примеры из произведений Ф. М. Достоевского: *Версикову она служила, как раба, и преклонялась перед ним, как перед папой, но по убеждению; Как могли вы так добровольно унизиться перед выскочкой, перед жалким подростком!*

3. При глаголах со значением **моральной неудачи** социальный, возрастной, гендерный статус лица-каузатора эмоций очень важен, хотя и не всегда играет решающую роль. Ср. примеры из НКРЯ [4]: *На одном занятии по физподготовке Перепелица так оскандалился перед командиром роты, что вспоминать стыдно* (И. Ф. Стаднюк. Максим Перепелица); *Как бы не осрамиться ему перед новым человеком!* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина); *И вот, на пороге этого трудного будущего, в ответственный момент знакомства с красивой, смущавшей своею красотой, парадной и кокетливой дамой, – как он опозорился перед ней!* (Б. Хазанов. Я воскресение и жизнь).

Как показывает изученный материал, для выражения иерархии, «статусности» в русской грамматике активно используются предлоги *над* и *перед*. Однако интерпретация этих предлогов в толковых словарях недостаточно последовательно указывает на их способность обозначать отношения социальной иерархии. Значения предлога *над* в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (СОШ) [6] представлены следующим образом: 1. «Указывает на пребывание, нахождение кого-чего-н. поверх, выше кого-чего-н. в каком-н. отношении». *Лампа над столом. Пуля пролетела над головой. Власть над людьми.* 2. «Указывает направленность действия на что-н.» *Сидеть над книгой. Смеяться над чудаком.*

В этой словарной статье примеры типа *власть над людьми* и *смеяться над чудаком* оказываются иллюстрациями принципиально разных значений, при этом системность описания оказывается нарушенной, так как и в первом, и во втором примерах получает отражение именно неравный статус людей в отношениях друг с другом. Ср. в этом плане следующие примеры из НКРЯ [4], демонстрирующие статусный характер семантики глагола *смеяться (над)*: *Долго Александра Петровна смеялась над моей серостью* (А. Шумилов. Витамин мужества // Знание – сила, 1987); *Он на что-то надеялся, не понимая, что смешон. Екатерина Алексеевна относилась к нему пренебрежительно, смеялась над ним, и подчас жестоко. Он делал вид, будто не понимал, что она держала его рядом с собой на положении шута, а может, и действительно не понимал этого* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь, 1993–2003).

Лексикографическая интерпретация предлога *перед* в СОШ [6] вообще не содержит указания на иерархичность: 1. «На некотором расстоянии от лицевой стороны чего-н., напротив кого-чего-н.» *Сад перед домом. Остановиться перед входом.* 2. «За некоторое время до чего-н.» *Встретиться перед обедом. Прогулка перед сном.* 3. «Служит для указания лица или явления, по отношению к которому совершается что-н.» *Преклоняться перед героями.* 4. «По сравнению, сравнительно, в сопоставлении с кем-чем-н.» *Перед этим подвигом бледнеют все другие.* 5. «С одушевленными существительными обозначает субъект состояния». *Перед нами стоят важные задачи.*

Неточность ряда формулировок значения (3, 4, 5), их оторванность от культурно-ценностных ориентиров, обусловленных социальной иерархией, приводит к разобщенности описания, в котором сходные явления интерпретируются по-разному.

Параметром, влияющим на синтагматику глагола, наряду с дистанцией власти, оказывается и связанный с ним параметр, отражающий разделение культур на индивидуалистические и коллективистские. В соответствии с этим делением русская культура характеризуется чертами, свойственными коллективистскому типу культуры, где «мы», коллектив, общество традиционно стоят выше, чем «я». Гораздо выше, чем личность, ценятся человеческие взаимоотношения, которые строятся на соблюдении принципов возрастной и социальной иерархии, взаимозависимости и взаимопомощи. Высокая значимость человеческих взаимоотношений создает условия для

того, что культура приобретает черты контактной, в которой, согласно Э. Холлу, разграничивавшему культуры на *high-context cultures / low-context cultures* [2], особенно ценными и значимыми становятся общительность, искренность, открытость. Все эти качества способствуют формированию культуры, в которой роль контекста в коммуникации оказывается очень высокой. Разумеется, культурные параметры воздействуют на язык в своей совокупности, комплексно, поэтому в различных ситуациях мы можем видеть одновременное взаимодействие параметров «иерархичность», «коллективизм» и «высокая контекстуальность». Так, в частности, собранный материал позволяет предположить, что степень морального падения может осознаваться субъектом тем ниже, чем больше было свидетелей этого падения, поэтому *опозориться перед начальником*, лицом более высокого статуса, чем субъект, может оказаться для субъекта менее драматичным, чем *опозориться перед коллегами, перед людьми*, «поскольку из множества лиц с равным субъекту социальным статусом формируется совокупность, обладающая несоизмеримо более высоким статусом, чем каждое конкретное лицо» [7, с. 864], в чем, на наш взгляд, проявляется коллективный характер русской культуры: *И тот смоленский паренек ... делал это, ощущая себя в первую очередь посланцем своих земляков, и работал, и вел себя так, чтобы не ударить перед ними в грязь лицом, чтобы не опростоволоситься перед родной стороной, старым домом, друзьями, ровесниками, родителями, наконец* (В. Захаренков, [4]).

Коллективистские черты проявляются в русской культуре еще и в том, что для человека оказывается весьма существенным мнение других – очень важен взгляд со стороны, особенно при оценке и самооценке личности. Чтобы лучше понять суть какого-либо явления или даже значимость собственной личности, человеку нужен другой человек, авторитетный оценщик, справедливый судья. Ценность этого параметра находит отражение в грамматике. В тех случаях, когда человек, пытаясь оценить себя, обращается к мнению других, открывается уже рассмотренная ранее актантная позиция ПЕРЕД КЕМ (ЧЕМ). Ситуация самооценки реализуется в русском языке с помощью двух основных моделей, предназначенных для высокой и низкой самооценки. Признак высокой самооценки входит в значение глаголов разных семантических групп: 1) глаголов чувства (*гордиться, кичиться*), 2) глаголов речи (*хвастаться, хвалиться, бахвалиться*), 3) глаголов поведения (*рисоваться, щеголять*).

Если субъект высоко оценивает себя, то он, как правило, испытывает потребность продемонстрировать свои достоинства другим людям, возможно, даже для того, чтобы вызвать у них зависть. Эта ситуация описывается с помощью конструкции *кто/чем (кем)/перед кем*, где *кто* – субъект оценки, *чем (кем)* – объект оценки, *перед кем* – адресат, реализующийся в семантическом плане как «аудитория» или «зритель», чье мнение в определенном смысле важно субъекту. Указанные позиции необходимы для полного, развернутого представления значения глаголов, однако в реальном употреблении некоторые позиции, потенциально входящие в актантную

рамку глагола, могут остаться незаполненными, в чем можно увидеть одну из реализаций параметра «высокой контекстуальности»: *А нужно ли было чураться, / И чваниться напропалую, / И лавры, кичась, пожинать, / И всю беззаботность былую / Предательски не вспоминать?* (Ю. Даниэль).

Негативная «внутренняя» самооценка требует иного оформления объектной позиции: *кто / чего (за что) / перед кем: стыдиться своих слов (за свои слова) перед кем-н.; совеститься своего поступка (за свой поступок) перед кем-н.; стесняться, смущаться, конфузиться чего-н. перед кем-н.: ... **совеститься перед обществом** нечего, все это делают: и Марья Павловна и Иван Захарыч* (Л. Н. Толстой). Позиция адресата может при этом не замечаться, но семантически она значима: *... после рыданий, **стыдясь** красных глаз, я отыскивал такого старца ...* (В. Набоков).

Анализ актантной структуры глаголов показал, что коллективистский характер русской культуры, высокий уровень вертикальной дистанции косвенным образом преломляются в концептуализации межличностных отношений, включающих оценочный компонент, что находит отражение в способе обозначения актантных позиций при глаголах. Грамматика «активного» типа, ориентированная на говорение и письмо и включенная в широкий социокультурный контекст, создает возможность для выявления и описания закономерностей выбора тех или иных форм актантов в зависимости от значения, которое стремится выразить говорящий (пишущий) субъект.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hofstede, G. Cultures and Organizations : Software of the Mind / G. Hofstede. – London : McGraw-Hill Book Company (UK) Limited, 1991. – 578 с.*
2. *Hall, E. Beyond Culture / E. Hall. – N.Y. : Doubleday, 1976. – 320 с.*
3. *Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер / пер. с фр., вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.*
4. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruscorpora.ru. – Дата доступа : 20.10.2019.
5. *Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян // Избр. тр.: в 2 т. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1995. – Т. 2. – 767 с.*
6. *Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.*
7. *Богданова, Л. И. Оценочные смыслы в русской грамматике (на материале глаголов эмоционального отношения) / Л. И. Богданова // Russian Journal of Linguistics. – 2018 (22). – № 4. – С. 844–873.*

Людмила Ивановна Богданова

доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Liudmila I. Bogdanova

Doctor of Philology, Professor of Department of Comparative Studies of Languages; Faculty of Foreign Languages and Area Studies at Lomonosov Moscow State University